

Социальные проблемы зарубежных стран

© 1991 г.

Е.В. ОСИПОВА

ЗАПАДНЫЙ МАРКСИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Осипова Елена Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник ИНСТИТУТА мировой экономики и международных отношений АН СССР. В "Социологических исследованиях" публикуется впервые.

В СССР завершение «ледникового периода» догматизма вызвало бурный рост самых различных концепций общественного развития, научная классификация которых в смысле их принадлежности к тому или иному политическому течению или методологическому подходу едва ли началась. Ситуация напоминает болезненное состояние, охватившее западноевропейских марксистов после XX съезда КПСС 1956 г. Как писал известный философ-марксист Л. Альтюссер, «конец философского догматизма не вернул нам (прежней) марксистской философии... Он предоставил настоящую свободу для исследований, но также породил своего рода лихорадку. Некоторые поспешили назвать философией то, что было лишь идеологическим комментарием к их чувству освобождения и вкусу свободы. Однако температура падает так же неизбежно, как камни, подброшенные в воздух. Что нам дал конец догматизма, так это вернул право провести скрупулезную инвентаризацию нашей интеллектуальной собственности, выявить как наше богатство, так и нищету, обдумать и публично сформулировать наши проблемы и начать выполнять трудную задачу настоящего исследования» [1, р. 21]. Одним из залогов ее решения является знание накопленного мировой мыслью и, в частности, западноевропейскими теоретиками-марксистами [2]. Последнее тем более важно, что свой теоретический застой мы априори считали присущим и марксизму в целом. Испытывая идиосинкразию к догматизму, мы обращаемся к немарксистским теориям, игнорируя разработки теоретиков марксизма на Западе. Эволюция же марксизма на Западе, проходившая через спады, кризисы, подъемы, значима не только сама по себе, но и указывает на процессы, нарождающиеся в общественных науках в СССР. Интересно в этом плане проследить, как социальные перемены в обществе повлияли на умонастроения западных марксистов, как они отразились в тематике их исследований, методологических подходах, политических позициях, определении субъекта социальных изменений. Прежде всего хотелось бы обратиться к самому термину «западный марксизм», которому у нас долгое время отказывали в праве на существование. Его теоретические границы и сущностные характеристики всегда были объектом горячих споров и на Западе, что дало повод английскому критику «западного марксизма» С. Ароновичу сказать, что «термин западный марксизм» не обозначает никакого конкретного набора доктрин. Его историческая функция привязана к антиленинским движениям нашего века как объекту обвинения и, реже, данный термин употребляется как само название разного рода отщепенцев. Его теоретический статус сомнителен и проблематичен» [3, р. XIII]. Более ярко неуверенность относительно смысла термина выражена у Т. Лонга: «Я буду использовать термин "западный марксизм" как в отношении тех, кто

провозгласил себя марксистом, так и тех, кто провозгласил себя не-марксистом еще со времен Д. Лукача, кто в значительной мере принял вызов Маркса, исследуя силу и слабость его теории с точки зрения перспективы возможной эмансипации человечества» [4, р. 1]. Первое употребление термина прослеживается еще в материалах Коминтерна в 1924 г. по поводу работ (Д. Лукача и К. Корша). Однако в широкий обиход термин вошел благодаря М. Мерло-Понти в 1955 г. [5] и относится он к книге Д. Лукача «История и классовое сознание» (1923 г.). Для М. Мерло-Понти «западный марксизм» идентифицировался с традицией гуманистического, субъективистского и недогматического марксизма в противовес официальной доктрине в СССР и восточноевропейских странах.

По словам одного из основателей «западного марксизма» А. Грамши, «западный марксизм» требовал революции против «Капитала» (ранний А. Грамши), т.е. против веры в то, что объективные социальные законы автоматически приведут к краху капитализма и победе пролетариата. Согласно «критическому марксизму» (направлению, подчеркивающему значение субъективного фактора и надстроечных институтов в истории, в противовес «научному», делающему упор на объективные факторы и базисные явления), радикальные социальные изменения могут произойти только тогда, когда человеческое действие сбросит созданные человеком и угнетающие его структуры. В этом смысле «западный марксизм» противостоял не только экономизму II Интернационала, но и авангардизму III Интернационала. В противовес обоим «западный марксизм» настаивал, что истинная практика является коллективным выражением самоэмансипации всего человечества.

Поскольку Д. Лукач, А. Грамши, Э. Блох и др. обращали особое внимание на преэминентность Маркса по отношению к Гегелю, «западный марксизм» часто отождествляли с тем течением марксизма, в котором была сильна гегельянская традиция. Опубликование ранних работ К. Маркса, а затем и Предисловия к «Критике политической экономии» усилило это отождествление.

Если рассматривать «западный марксизм» под этим углом зрения, то он был создан довольно широким кругом теоретиков, начиная с Д. Лукача, К. Корша, Э. Блоха. К их ряду причисляют представителей Франкфуртской школы — М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, Л. Левенталя, В. Бенями; французских марксистов-гегельянцев А. Лефевра, Л. Гольдмана; марксистов-экзистенциалистов Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти. Иногда к ним относят франкфуртцев второго поколения Ю. Хабермаса, А. Шмидта, группу «Аргументы» во Франции и др. Этого определения «западного марксизма» придерживались как его сторонники, так и противники, во всяком случае до появления книги П. Андерсона «Размышления о западном марксизме» в 1976 г. [6]. С его точки зрения, «западный марксизм» должен включать и «антигегельянских» критиков «теоретического гуманизма», получивших известность во Франции и Италии после второй мировой войны, и школы Г. Делла Вольпе и Л. Альтюссера, поскольку «критический» и «научный» марксизм не следовало считать двумя отдельными направлениями [7, 8, р. 759—778], из которых одно призывает к революции против «Капитала», а второе защищает его адекватность сегодняшнему дню. Им обоим, считает П. Андерсон, присущи общие черты, позволяющие отнести их к одному лагерю. В принципе правота П. Андерсона признается — слишком много перемен произошло с 1955 г., чтобы оставаться удовлетворенным определением М. Мерло-Понти. М. Джей предлагает воспользоваться понятием «фамильное сходство» Л. Витгенштейна и понять, что нет необходимости в совершенно унифицированной системе признаков, чтобы определить общую сущность. Как неогегельянцы, так и антигегельянцы имеют общие характеристики, позволяющие считать их если не родными, то двоюродными братьями в разросшейся семье. При сравнении с другими идейными и политическими течениями, вышедшими из классического марксизма — социал-демократией, австро-марксизмом, ленинизмом, сталинизмом, троцкизмом, маоизмом — сходство становится более очевидным. Причем среди течений «западного марксизма» обнаруживаются союзы, которые пересекают границы, установленные отношением к Гегелю или гуманизму. «Западные марксисты» как гегельянцы, так и анти-

гегельянцы, родились или духовно сформировались во Франции, Италии и Германии, хотя некоторые из них несколько лет провели «эмиграции» в Америке во время гитлеризма. Важно, что из вынужденных эмигрировать только Д. Лукач поехал на восток.

Воздействие эмигрантов из Западной Европы привело к становлению в Америке «западного марксизма» к 60-м годам, но в целом его сторонники восприняли и переработали идеи, которые были выдвинуты в Европе в предыдущие столетия. Такая же ситуация сложилась и в Англии, где журнал «Нью лефт» стал проводником идей с континента. Такой же производный статус может быть придан и восприятию «западномарксистских» идей в Восточной Европе после второй мировой войны.

«Западный марксизм» получил свое название и в силу устойчивого европоцентризма его приверженцев.

Во временном отношении картина сложнее. П. Андерсон предлагает разделить западных марксистов на два или три поколения: родившихся в последние 15 лет до начала нового века и сформировавшихся в первую мировую войну и непосредственно после нее. Естественно, каждое поколение занималось теми вопросами, которые были им ближе. Соответственно, каждое было открыто влиянию немарксистских школ мысли — таких, как психоанализ, экзистенциализм и структурализм — по мере совпадения этих конкурирующих систем с их собственной духовной эволюцией. Отличительной чертой «западного марксизма» является его открытость, принципиальная готовность впитать не-марксистские печения мысли. Этот процесс шел в двух направлениях — горизонтальном и вертикальном. Процесс установления связей с наследием XIX века, поиска предшественников Маркса начался еще во времена II Интернационала, но только после 1918 г. эта практика получила широкое распространение: «ревизионисты» пытались связать К. Маркса и И. Канта; Г. Плеханов, а позднее Л. Альтуссер, интересовались Б. Спинозой; Д. Лукач — Г. Гегелем; Л. Гольдман — Ф. Шеллингом; Г. Маркузе и Ж.-П. Сартр — С. Кьеркегором и т.д. Соотнесение марксистской теории с другими течениями общественной мысли шло и по горизонтали, причем полемика с М. Вебером, Б. Кроче, З. Фрейдом, М. Хайдеггером, Э. Гуссерлем предполагала и переработку, и включение их идей в контекст марксизма. Результатом стало появление «марксизмов с прилагательными» — экзистенциалистского, феноменологического, структуралистского, гегельянского, даже шопенгауэровского — на теоретическом уровне, что шло параллельно с возникновением партий и сект на практическом уровне. Суть дела заключалась не столько в том, чтобы проследить истоки марксизма, сколько в том, чтобы устранить монополии на его трактовку, однозначную его интерпретацию. Те, кто был занят таким своего рода перекрестным опылением, защищали свою позицию как синтетическое обогащение, помогающее марксизму приспособиться к изменяющимся обстоятельствам современного мира. С точки зрения же их оппонентов результатом был эклектизм, снижающий основную ценность учения Маркса. Демонстрируя в классической форме то, что З. Фрейд называл нарциссизмом мелких различий, «западные» марксисты в погоне за теоретической точностью часто теряли потенциальных сторонников, что было ошибкой, которая до сих пор воспроизводится в утверждении об абсолютном противостоянии «критического» и «научного» марксизма. Обратной стороной этих междоусобных споров была огромная творческая плодотворность марксистской традиции. «Западный марксизм» был открытым и экспериментальным. Не располагая средствами для навязывания интеллектуального конформизма, различным течениям «западного марксизма» приходилось хотя и с большими трудностями, но мирно сосуществовать и входить, пусть косвенно, в критический диалог.

Всех их, однако, объединяло неприятие «вульгарного марксизма» и неучастие в социалистических и коммунистических партиях, поскольку многие из них отождествляли членство в партии с утратой критического мышления. Соглашаясь с Лениным в мнении о том, что рабочее движение может выработать только тред-юниорское сознание, они отвергали его идею о внесении социалистического сознания извне, и практически все писали в стиле, сложность которого делала их работы недоступными для понимания широким читателем. Для западных марксистов было бы невысказано написать «Азбуку»

марксизма» Н. Бухарина, поскольку популяризация означала риск искажения, если не извращения смысла. Они обращались к относительно узкой аудитории теоретиков, интеллигенции или общественности, которую еще предстояло сформировать. Вследствие этого их часто упрекали за «элитарность» — обвинение, предъявленное еще Коминтерном Д. Лукачу и К. Карту в 1924 г. за «профессорский» марксизм. Действительно, «западный марксизм» нередко называют, кто со снисходительной иронией, кто — без, «академическим» или «университетским». И если первое поколение марксистов (Р. Люксембург, О. Бауер, Р. Гильфердинг и т.д.) сочетало деятельность политическую, занимая высокие посты в партийной иерархии, с теоретической, как бы персонифицируя связь теории с практикой, то последующие отходят от практики непосредственной политической борьбы.

Стремление руководства компартий сохранить «чистоту» марксизма приводило к резким размежеваниям с инакомыслящими: «диссидентов записывали в ренегаты; политическая поляризация, тяготеющая к единственной альтернативе, вынуждает критицизм занять позицию контрреволюции» [9, р. 92]. Исторически «ревизионизм» состоит из двух относительно коротких периодов в доктринальной истории марксизма — первый приходится на рубеж веков, второй — на 50-е годы. У обоих есть общие черты, оба имели место, когда ход событий, а именно успешное развитие и стабилизация капитализма на Западе, поставил под серьезное сомнение предположение о его медленном крахе и, тем самым, все общие предпосылки, на которых строился его анализ. Таким образом, оба периода ассоциируются с «кризисом в марксизме» (термин Т. Масарика, употребленный в 1897 г.), т.е. попытками пересмотреть или дополнить его или найти удовлетворительные или реалистические основы для действий социалистов. Оба эти периода были вариантами ответа революционной теории на не-революционную действительность. Как в свое время писал К. Корш, «ревизионизм» был не отказом от ранее преобладавшей теории и практики революционного марксизма, а близнецом формализованной марксистской ортодоксии.

В оба периода, в обоих случаях ярлык «ревизионизма» прикреплялся не ко всем отклонениям от принятой марксистской ортодоксии, но только к одному типу: тому, что в политическом спектре социализма расположен справа. Это было совершенно очевидно в 1900 г., когда под «ревизионизмом» понимали берштейнианство, собственно, термин и был придуман для его обозначения. Это было не столь очевидно в 50-х годах, когда этот ярлык приклеивался ко всем диссидентам, но тем не менее и для этого периода характерно, что при расхождении по фундаментальным вопросам — стабильность и перспективы капитализма, дилемма реформ и революции, достоинства буржуазной демократии и достижения буржуазной мысли — «ревизионистами» были те, кто стоял в спектре справа. В одном отношении эти кризисы отличаются: ревизионизм 50-х годов преимущественно касался «внутренних» проблем коммунистического движения, особенно сталинизма, чего не было в 1900-х годах.¹

Пытаясь развивать свои идеи, не вступая в открытый конфликт с официальной партийной ортодоксией, «западные марксисты» обратились к исследованию проблем, далеких не только от экономики, но и от политики. Однако тому была еще одна причина. Первое поколение марксистов преимущественно уделяло внимание экономическим исследованиям (законам развития капитализма на новой стадии) и политическим исследованиям — основам политической массовой борьбы пролетариата и организации его в партию. В 30-е годы с подъемом фашизма, а в послевоенные — со стабилизацией капитализма и отсутствием революционной ситуации проблематика исследований смещается с базисных к надстроечным явлениям. Преимущественное внимание стало уделяться исследованиям культуры, искусства, т.е. феноменов, наиболее удаленных от

¹ Более того, реакция на сталинизм естественно привела к поиску прецедентов среди марксистов не-сталинского толка или до-сталинского периода, и отсюда произошла, поскольку сталинские преследования и критика СССР сделали Л. Троцкого популярным среди «ревизионистов».

базиса, поскольку «западные марксисты» полагали, что решение проблемы «культурной гегемонии», как ее обозначил А. Грамши, было ключом к пониманию сохранения власти капитализма. Таким образом, направление марксистских исследований как бы получило обратный ход: «если К. Маркс шел от философии к экономике, то «западный марксизм» шел от экономики к философии, во всяком случае до конца 60-х годов.

И после же 1968 г., года водораздела, начался как бы новый виток социальных экономических и политических исследований. Прежде, всего они вызваны тем, что массовые выступления в развитых капиталистических странах, мощные волны студенческого движения и забастовок, девятым валом которых стали майские события 1968 г. во Франции, возвестили о том, что политическая борьба приобретает новое качество. Ни во Франции, ни в Италии, ни в Португалии, ни в Великобритании побудительный импульс народных волнений не исходил от левых партий: на политическую арену вышли новые социальные силы, порожденные НТР, глубокими изменениями производственного процесса (переходом от фордизма к пост-фордизму). Фордизм характеризовался системами массового производства и был построен на четырех принципах: продукты производства были стандартными, т.е. каждая часть и каждая производственная задача могли быть стандартизованы, в отличие от ремесленного производства, при котором замысел каждой детали создавался заново, при массовом производстве машин одна и та же деталь устанавливалась в одном и том же месте на одной и той же модели; если производственные задачи одинаковы, то возможно их механизировать и создать станки, выпускающие только данную модель, остальные производственные задачи можно было подвергнуть научному управлению, т.е. разбить на составные части и объяснить рабочим их задачи; на конвейере продукт уже шел от рабочего к рабочему, а не рабочие — к продукту. Эти принципы придумал не Г. Форд, но он их объединил для производства сложного продукта, и революционная система производства завоевывала отрасль за отраслью,

В эпоху фордизма конвейерное производство усилило разделение труда, и рабочие расценивались как взаимозаменяемые «винтики» машин. Результат — высокая текучесть рабочей силы, забастовки и система коллективного торга по заключению коллективных договоров. Тейлоризм характерен для структуры управления: иерархия вертикальная, и связи между горизонтальными подразделениями также осуществляются через центр. Массовое производство и в силу этого кейнсианские методы обеспечения массового потребления, полуквалифицированный рабочий и коллективный договор, национальный рынок и централизованная организация составляют ткань фордизма. Фордизм чувствовался не только в экономике, но и в политике (массовые партии), в культуре (дизайне, спорте, современной архитектуре). Для социалистического идеала это означало, в частности, приоритет централизованного государственного планирования, стандартный продукт требовал и всеобщей унифицированной системы обслуживания базовых потребностей и т.д.

В эпоху пост-фордизма массовое производство уступило место производству стилей жизни при широко развитой антропологии потребления, чтобы учесть индивидуальные запросы: желание отличаться от Джонсов пришло на смену стремлению быть похожим на Джонсов.

Производство перешло на гибкие автоматизированные системы, поставив во главу угла инновации, дизайн и качество. Соответственно изменился и тип работника: это высококвалифицированный, освоивший смежные профессии, участвующий в управлении. думающий работник и уже незаменимый. Горизонтальные связи приходят на смену жесткой вертикальной иерархии внутри фирмы, между производителем и потребителем устанавливается живая обратная связь, конкуренцию по законам джунглей вытесняет конкуренция на основе кооперации. Вместе с тем в этой ситуации происходит сильная поляризация рабочей силы на центр (постоянно занятых высококвалифицированных работников) и периферию (временно занятых низко- и полуквалифицированных работников).

Изменения в производственном процессе отражались в сфере политики, что требовало

со стороны левых сил выработки нового как бы «дезинтегрированного» социального идеала и определения его носителей, политические интересы которых, будучи равноправными, не совпадают.

Впервые вызов фордизму как левому, так и правому был брошен в Западной Европе и США в 1968 г. События 1968 г. были не только выступлениями рабочих, но в той же мере и выступлениями интеллигенции против основных принципов фордизма, его представлений о труде и потреблении, облике городов и о взаимоотношениях с природой.

К тому же продолжительный послевоенный экономический бум прервался в 1974 г., впервые за предшествовавшие 25 лет поставив под вопрос социально-экономическую стабильность развитых капиталистических стран. Таковы вкратце были объективные факторы, приблизившие тематику теоретических исследований к практике. В этот период произошла и смена поколений теоретиков-Марксистов: к середине 70-х годов. Т. Адорно. М. Блоха, Л. Гольдмана, Г. Делла Вольпе, Д. Лукача, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, М. Хоркхаймера уже не было в живых. И первый этап «западного марксизма» закончился.

При сохранении интереса к философии открылся путь для обратного движения к социуму, экономике и политике. Еще одной примечательной чертой следующего развития марксистской теории на Западе было распространение ее на ведущие страны капиталистического мира, где не было мощных коммунистических партий — США и Великобританию, а также выход марксистских дискуссий за рамки национальных границ.

Законы экономического развития капитализма и социальные изменения рассматривались в трех основных трудах: «Зрелый капитализм» Э. Мандела, за которым последовали его исследования «Второй спад» и «Длинные волны в истории капитализма»; книге Г. Бравермана «Труд и монополистический капитал» об изменении процесса труда в XX столетии; в неординарном труде французского экономиста М. Аглиетта "Теория капиталистического регулирования". С такими работами марксистское исследование современного капитализма вновь достигло высокого уровня. Что касается исследований в области политики, то в этой области крупные обобщающие исследования различных типов буржуазного государства, политических режимов, принадлежат Н. Пулантзасу, Р. Милибэнду, К. Оффе, Г. Терборну. Необходимо в этой связи упомянуть и о школе "логики капитала". Социальная структура общества в эпоху «зрелого» капитализма исследована в работах Э.О. Райта, Г. Карчели, Р. Этабле и К. Бодло.

Новизна исследования подходов не нарушила преемственности старшего поколения «западных марксистов», и в этих новых работах прослеживается их сильное влияние, например, Л. Альтюссера - на Н. Пулантзаса, Г. Терборна, М. Аглиетта, Э.О. Райта; наследия Франкфуртской школы — на Г. Бравермана, Ю. Хабермаса, К. Оффе, Г. Лукача — на Ф. Джеймсона.

Из перечисленного видно, что географический центр марксистских исследований на Западе сместился из романских в англоязычные страны. Ведущее место Северной Америки и Великобритании в марксистских исследованиях экономики, политики, социологии, культуры было подготовлено работами английских и американских историков, и эти страны, где марксизм традиционно представлен был чрезвычайно слабо, в отношении теории стали передовыми по сравнению со странами континентальной Европы.

Характерным для развития «западного марксизма» стало открытие Междисциплинарных границ исследования и национальных границ ведения дискуссий. Начало этому положила полемика английского историка Э. Томпсона с французским философом Л. Альтюссером; такая же междисциплинарная и интернациональная по характеру полемика возникла по поводу работы И. Валлерстайна о развитии мировой капиталистической системы. Стали проводиться и международные конференции, а центры полемики свободно переносились из Канады в Италию, из Великобритании в США, Франции — в Великобританию.

Однако за растущим объемом и ширящимся многообразием тематики в марксистских

исследованиях красной нитью проходила дилемма «субъект — структура» или, о чем упоминалось выше, дилемма «гуманизм—наука» (в противостоянии «критического» и «научного» течений в «западном марксизме»), и подходы к осмыслению общественного развития определялись через ее призму. И в свете данной дилеммы Э. Томпсон различает три периода до 1979 г в "западном марксизме" (он ведет историю его с Э. Бернштейна). характеризовавшиеся различным решением этой дилеммы: эволюционизм, волюнтаризм, структурализм. Так, до первой мировой войны был период «эволюционизма» — период, отражавший подъем рабочего движения, веру в экономический и технический прогресс, которому была присуща терминология дарвинизма.

С подъемом фашизма и во время второй мировой войны наступил период «волюнтаризма», словарь «западного марксизма» наполнился терминами либерализма (выбор автономного индивида), романтизма (восстание духа против установленного факта), и яркий тому пример — понятие «делать историю» у М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартра, которые вели «независимые» марксистские исследования в послевоенной Франции и выпускали очень влиятельный в кругах левой интеллигенции журнал «Ган модерн» (к 1955 г. М Мерло-Понти отошел от марксизма). Они пытались развить философию марксизма в противовес сталинистской ее версии, основными чертами которой эти французские теоретики считали унаследованные ею «натурализм» и «сциентизм» диалектического материализма, экономический и технологический детерминизм в понимании исторического процесса, концепцию исторического материализма как науки.

В политическом отношении это означало, что сциентизму «ортодоксального» марксизма противопоставлялась социальная теория, непосредственно включенная в сам исторический процесс как самосознание актеров, которые «проживают» свободу как «отрицание» наличного положения дел. Однако данная не-детерминистская концепция человеческой свободы означала для теории утрату ее направляющего воздействия на практику в форме конкретной политической стратегии и тактики: получалось, что возможно дать лишь интерпретацию истории с позиции произвольного этического отождествления теоретика с эксплуатируемыми. Поскольку же этические позиции не поддаются рациональной оценке в смысле их практической осуществимости, то они подвержены догматическому истолкованию не в меньшей степени, чем «ортодоксальный» марксизм.

«Волюнтаризм», считает Э. Томпсон, разбился о стену «холодной войны», когда «голова» разбивались о ветровое стекло капиталистического общества, и это стекло ощущалось как «структура» (с одной стороны, внутренние реформы абсорбировались капиталистическим обществом и развивались как его «собственные», имманентные ему; с другой — события в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., Чили 1973 г. демонстрировали внешнюю конфронтацию противостоящих общественных структур, препятствовавших социальным изменениям).

Ощущение бессилия субъективных действий выразилось в появлении в третьем периоде «структурализма» с заимствованиями из лингвистики и антропологии (подсистема, элемент, структура).

Работы К. Леви-Стросса в области антропологии распространили принципы структурной лингвистики Ф. де Соссюра на другие виды социальной практики, и структурализм зародился как общенаучный методологический подход. К. Леви-Стросс, распространив структурализм на экономику, рассматривал ее под углом зрения обмена товарами, образующего символическую систему, сравнимую с обменом женщинами в системах родства и обменом слов в языке. Что касается структуралистского подхода к осмыслению развития общества, то он выражался в суждении, что историю не следует понимать как проект сознательных субъектов, поскольку культурные системы, в рамках которых совершается история, предшествуют проектам отдельных личностей и независимы от них, причем культурные системы конституируют саму субъективность последних. Субъекты, по К. Леви-Строссу, вообще способны создавать проекты только благодаря тому, что подчиняются конституирующим правилам этих культурных практик. Ж. Лакан ввел структурализм в психоанализ, выдвинув идею о том, что бессознательное само структурировано подобно

языку. Таким образом, бессознательное было представлено как объективная формализованная структура, из чего следовало, что в сознании есть нечто, сознанием не являющееся.

Применительно к «западному марксизму» это позволило Л. Альтюссеру выступить против трактовки марксизма как «теоретического гуманизма». Употребляя терминологию структурализма, он одновременно считал нужным дистанцироваться от «структуралистской идеологии», для чего важно было отметить, что история не является проектом сознательной самоэмансипации.

Согласно Л. Альтюссеру, общество есть «всегда уже данное сложное структурированное существо» [1, р. 204], в котором в качестве основной причинно-следственной связи выступает «структурная казуальность», исключая «волевые» отношения. Соответственно своей концепции общественной структуры он решал проблему субъективного фактора в истории. Исходя из марксистского положения о том, что «массы делают историю» и что движущая сила истории — классовая борьба, Л. Альтюссер вместе с тем полагал, что к понятию «массы» не подходит квалификация «субъект», применимая к понятию «человек», хотя бы потому, что массы состоят из различных классов и групп, чей состав меняется в ходе исторического процесса. Кроме того, он считал нужным исходить не из вопроса о том, «кто делает историю», а из классовой борьбы и ее материальной основы, формирующей и сами классы. В этом случае, считал Л. Альтюссер, вопрос о субъекте истории вообще не имеет смысла в марксизме: «История — это процесс, и процесс без субъекта» [10, р. 316]. По Л. Альтюссеру, социалистический гуманизм прав в том, что отвергает антигуманизм сталинизма, но построение не сталинистского социализма требует политической стратегии, которая в свою очередь требует научного анализа сути сталинизма и условий его существования. По этой причине Л. Альтюссер считал марксизм наукой. В то же время экономизму и технологическому детерминизму «ортодоксального» марксизма Л. Альтюссер противопоставлял свою интерпретацию «детерминации в конечном счете» экономических отношений не как исторического закона, а как причинной связи между элементами структуры общества, что наделяет надстроечные элементы «относительной самостоятельности», придавая должный вес политической и культурной практике в установлении производственных отношений. В этом смысле Л. Альтюссер писал, что «одиноким час конечного счета (т.е. детерминации базисом надстройки. — Е.О.) никогда не приходит» [11, р. 113]. Согласно Л. Альтюссеру, если для «гуманистического» марксизма исторический процесс — это путь субъекта от само-отчуждения к само-сознанию и само-эмансипации, то «ортодоксальному» марксизму присущ тот же телеологизм, только место человеческого субъекта занимают развивающиеся производительные силы. Ни в одной социальной форме, писал Л. Альтюссер, не заложен изначально ход ее последующего развития: направление исторических изменений носит открытый характер. Л. Альтюссер с других методологических позиций стремился обосновать таким образом идеи «западного марксизма» относительно исторического развития в противовес «экономизму» и «редукционизму» марксизма ортодоксального.

Стремление найти новое решение дилеммы «субъект—структура» выразилось в методологическом индивидуализме «аналитического марксизма» (Дж. Козн, Дж. Элстер, Дж. Ремер), или как его еще называют «марксизме рационального выбора», согласно которому структуры являются непреднамеренными следствиями индивидуальных действий.

В принципе предрасположенность «западного марксизма» к такого рода заимствованиям методологических подходов создавала реальная обстановка: линейная эволюция рабочего движения до первой мировой войны, героические инициативы 1936—1946 гг., стабилизация, статус-кво 60-х годов. Точно также переход от «индустриального» к «постиндустриальному», «информационному» обществу нашел отражение в марксистском «постструктурализме» (под влиянием французских философов М. Фуко и Ж. Деррида),

вводившем открытость для абсолютной неопределенности, случайности, нестабильности истории в «аналитическом марксизме».

Данные периоды в развитии «западного марксизма» коррелируют с различными подходами к определению субъекта исторических изменений: происходит постепенный отказ от ориентации на рабочий класс как основной субъект исторических изменений. «Неомарксисты» Франкфуртской школы пытались найти нового социального агента, лишённого «исторической ограниченности» рабочего класса, и способного заменить его в качестве ведущей силы политической борьбы, в лице контркультурного студенческого движения, интеллигенции маргиналов. Дело в том, что «неомарксисты» считали их, в отличие от рабочего класса, неинкорпорированными в капиталистическую систему. Осмысление же реалий пост-фордизма породило суждение о том, что любой социальный субъект (будь то индивид, класс или общественное движение) имеет ограниченные исторические задачи и ни один из них не может выполнить миссию эмансипации самостоятельно.

Таким образом, множественность, плюрализм субъектов исторических изменений утвердились как политическая формула. В силу этого отпадает вопрос о первичности какого-либо социального конфликта по отношению к другим, хотя традиционный интерес к надстроечным институтам и особенно значение, им придаваемое (да и реальное возрастание роли науки и культуры в жизни современного общества) усиливают склонность западных марксистов отдать приоритет политической борьбе в надстройке, особенно в тех сферах, где она ранее не велась — системе образования, культуре, экологии и т.д. Подробнее проследить общую логику рассуждений «западных марксистов», отражение философских подходов и их политической теории, смещение проблематики исследований от общеполитических проблем отчуждения, овеществления, гуманизма, праксиса к проблемам политики, роли государства в современном капиталистическом обществе можно на примере творчества Н. Пулантзаса², идейная эволюция которого прошла сложный путь, вобрав влияние последовательно Л. Альтюссера, А. Грамши, а в последний период жизни — М. Фуко.

Н. Пулантзас выдвинул концепцию «относительной самостоятельности» государства, суть которой состоит в том, что государство «относительно самостоятельно» по отношению к наличному соотношению классовых сил, но его самостоятельность относительна из-за структурных ограничений, налагаемых экономическим развитием (вспомним теорию «относительной самостоятельности» идеологии и политики Л. Альтюссера). Поясняя, Н. Пулантзас писал, что государство не является органом диктатуры класса (что в свое время привело к теории «социал-фашизма»). Государство вообще нельзя считать сущностью: оно — не вещь (пассивный инструмент в руках класса, т.е. класс подчиняет государство, лишая его самостоятельности) и не субъект (при таком взгляде на государство оно сводится к его собственной воле, воплощается во власти элиты, а его самостоятельность абсолютизируется и тогда государство подчиняет себе классы). По Н. Пулантзасу, государство — это отношение классов, нестабильное «равновесие компромиссов» (термин А. Грамши) между классами. Это означает, что ни один государственный аппарат не «принадлежит» полностью правящему классу и что, хотя массы представлены в той или иной степени в этих аппаратах, они включены в них не на их собственных условиях. Добившись представительства в них в ходе борьбы, массы одновременно и включены и исключены из государства, а потому, подчеркивал Н. Пулантзас, нужно избегать «технократии левых», целью которых было бы управление существующими органами государства. Отсюда вытекает и то, что нужно отказаться от моделей «Бастилии» и

² Что касается его партийной принадлежности, то в 50-х годах он принимал активное участие в студенческом движении и вступил в Греческий демократический альянс-легальную организацию запрещенной тогда Коммунистической партии Греции. В 1964 г. он вступает в КПГ и в 1968 г. после раскола партии присоединяется к КПГ (внутренней), стоявшей на позициях еврокоммунизма. С середины 60-х годов и до своей безвременной смерти в 1979 г. жил в Париже.

«Зимнего дворца» — от «экономического и классового редукционизма II и III Интернационалов», но в то же время избежать и варианта французских «новых философов», т.е. концепции «злонамеренного государства». Н. Пулантзас придерживался в конце жизни концепции знания власти М. Фуко, считал государство воплощением социального разделения труда, а умственный труд связанным с политической властью. Отсюда, по убеждению Н. Пулантзаса, власть правящего блока нельзя уничтожить фронтальной атакой, поскольку она материализуется в особых аппаратах государства и практической жизнедеятельности общества (культуре, семье, религии, этике т.д.). Она рассредоточена, не сконцентрирована в одном месте вверху государственной пирамиды, а из-за несоответствия реальной и формальной власти может перетекать из одного аппарата в другой, поэтому захват политической власти недостаточен. Следовательно, необходимы новые формы демократии, связанные с существующими формами представительства. Именно таким путем, с позиций «изнутри» государства можно будет бросить вызов существующей форме государства, имея в виду перспективу установления новой идейной гегемонии с помощью новых форм демократии, т.е. борьбы общественных

Данный вариант возможен еще и потому, что процесс лолитизации всех сфер гражданского общества, раньше считавшегося стоящим «над политикой», привел к тому, что «водораздел» между государством и гражданским обществом стал чрезвычайно размытым и неопределенным. В этих условиях противоречия гражданского общества не могут быть поняты в терминах классовой борьбы, поскольку принимают форму борьбы народа против государства, а не класса против класса, в результате чего Необходимо заключение широких демократических союзов. Здесь следует сказать, что Н. Пулантзас придерживался узкой трактовки рабочего класса, включая в него промышленных рабочих традиционных отраслей промышленности. По его мнению, широкая трактовка снимает проблему политических союзов и ведущей роли рабочего класса в политической борьбе, поскольку, согласие широкой трактовке, практически всех трудящихся можно отнести к рабочему классу. Н. Пулантзас же выдвинул концепцию «новой мелкой буржуазии» для обозначения работников непроизводственной сферы и участвующих в управлении. В этой связи он писал о введении политико-идеологического критерия в определение классов и о необходимости достигать не единства широко трактуемого рабочего класса а широких народных межклассовых союзов.

Эти и многие другие идеи Н. Пулантзаса оказали глубокое воздействие на представителей нового пополнения западных марксистов. Поскольку же в своих работах он воплотил влияние различных школ философской мысли, то своим предшественником его считают теоретики разных направлений, существующих в современном «западном» марксизме». Прослеживается его воздействие и в концепции «радикальной демократии» как борьбы народа против государства у группы британских теоретиков, назвавших себя «пост-марксистами». Так, Э. Лакло и Ш. Муфф, находящиеся под влиянием пост-структурализма считают, что плюрализм субъектов социальных изменений, объединенных в широкий демократический союз, означает невозможность установления в ходе борьбы за демократию какой-либо единой общественной системы. Социализм станет одной из необходимых составных частей автономного самоуправляющегося общества. Их гносеологическая позиция не позволяет им дать какие-либо конкретные его характеристики и оценить предпочтительность той или иной формы организаций общества как прогрессивной. Причина заключается в том, что критериев их выработки и оценки для Э. Лакло и Ш. Муфф не существует в принципе: возможно лишь высказывать суждения о правдоподобности имеющихся вариантов социального идеала.

Свидетельствует ли разнообразие методологических подходов и расширение традиционной проблематики исследований, отказ от постулатов ортодоксального марксизма, что разрушает канонические критерии принадлежности к нему, о кризисе марксизма на Западе?

Мне представляется, что на Западе марксизм, не будучи герметически закрытым

течением общественной мысли, подвергается тем же процессам, что и другие системы социальных идей: многочисленные приставки «неси» или «пост-» («неолиберализм», «постмодернизм») свидетельствуют о том, что идет бурное приспособление систем идея, сложившихся в XIX в., к реалиям сегодняшнего дня. И если еще до недавнего времени можно было по одному элементу (отношению к собственности или вопросам внешней политики) определить характер любой идеологии или по методологическому подходу философскую систему, то в настоящее время их взаимовлияние и взаимопроникновение не позволяют применять к ним жесткие критерии классовой принадлежности или методологической «чистоты».

То же самое относится и к марксизму: его нельзя рассматривать как блок законченных теорий и уже совершенных открытий — они находятся в процессе постоянного развития. И в ходе коренного изменения отражаемой им действительности, и в ходе впитывания идей, выработанных всей мировой мыслью, жесткие критерии принадлежности к марксизму уже не работают (классовый подход, метод диалектического материализма). Мы не видим в этом большой беды и предпочитаем интеллектуальное богатство идейной «чистоте», поэтому мы согласны с П. Андерсоном и Э. Томпсоном в том, чтобы определить западный марксизм как «общую интеллектуальную традицию» [6, p. 1]. Э. Томпсон полагает, что марксизм не следует считать доктриной, поскольку его не позволяет выйти за рамки догматизма. Считать марксизм методологией исследования он полагает также ошибочным, поскольку, по его мнению, методология и доктрина тождественны, понимание же марксизма как наследия подразумевает пассивность в отношении к использованию его идей, с точки зрения Э. Томпсона, определение должно быть возможно более свободным, и в качестве такового он предлагает понятие традиции или школы мысли, которые не требуют того, чтобы принимать или отвергать марксизм только в целом [9, p. 110—125].

И если рассматривать «западный марксизм» как школу общественной мысли, то в этом случае круг марксистов не ограничивается теми, кто работает под эгидой коммунистических партий. Это позволяет отделить развитие марксистской теории от эволюции компартий, поскольку выявляется их несопадение. Кризис в марксизме на рубеже веков сопровождается размежеванием на реформистскую и революционную группы в теории и в политике. Подъем марксизма в 30—40-х годах проходил одновременно в теории и в политике (возникла Франкфуртская школа, укреплялись компартии), Марксизм продвигался вперед, т.е. капитализм находился в явном экономическом и политическом кризисе, что показали «великая депрессия», фашизм и война. Однако кризис, наступивший после XX съезда КПСС, событий 1956 г. в Венгрии, компартиям преодолеть не удалось. В то же время «ревизионизм» был симптомом, указывавшим на выход из кризиса в области теории, хотя компартии переживали сложные времена, привлекательность примера СССР была утрачена, а капитализм вступил в период стабилизации и роста благосостояния. Начало нового подъема марксистских исследований приходится на 60-е годы, но происходил он в особой ситуации дезинтеграции традиционного марксистского анализа, в полемике между марксистами и немарксистами, между различными течениями в марксизме, между партийными и беспартийными марксистами. С этого времени уже нельзя было говорить о том, что существует только один «истинный» марксизм. Умножение течений в марксизме, даже появление «еврокоммунизма» как официальной доктрины ряда компартий Западной Европы, говорит о том, что «истинный» марксизм уже нельзя было определить институционально. С этого времени переосмысление марксизма шло по нескольким направлениям: новое прочтение К. Маркса, изучение концепций, выработанных на основе марксизма, но не принятых в основной корпус его теорий; поиск общего языка, точек соприкосновения с немарксистскими теориями; анализ сегодняшнего мира методами современной науки. Работа над этими задачами, остро стоящими и перед нашей наукой, позволила «западным» марксистам избежать догматической анти-«новолевизны» после спада движения контркультуры, сравнимого с антикоммунизмом.

вызванным прежними разочарованиями у ортодоксальных марксистов³. И хотя вопросов остается больше, чем ответов, тем более в свете перемен 1989 г. в Восточной Европе, хочется присоединиться к мнению М. Джея о том, что «сумерки западного марксизма еще не опустились, и всеведущая сова Миневры пока должна оставаться в своем гнезде... Западный марксизм по-прежнему перспективная, а не деградирующая исследовательская программа» [4, p. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Althusser L.* Pour Marx. P.: Maspero, 1965.
2. Грецкий М.Н. Мы и марксисты Запада // Вопр. философии. 1989. №7 С. 100—111.
3. *Aronowitz S.* The crises in historical materialism. N.Y.: Praeger, 1981.
4. *Jay M.* Marxism and totality. Cambridge: Polity press, 1984.
5. *Merleau-Ponty M.* Les aventures de la dialectique. P.: Gallimard, 1955.
6. *Anderson P.* Considerations on western marxism. L.: NLB, 1977.
7. *Gouldner A.* The two marxisms. N.Y.: Seabury press, 1980.
8. *Jay M.* For Gouldner // Theory and Society. 1982. V. 11. №6.
9. *Thompson E.* The poverty of theory and other essays L.: Merlin Press, 1979.
10. *Althusser L.* Reply to John Lewis (Self-criticism) // Marxism today. L., 1972. October.
11. *Althusser L.* Lire «le Capital». P.: Maspero, 1965.

³ За исключением (после 1975 г.) «новых философов» — бывших альтюссерианцев и позднего М. Хоркхаймера.